

«НО Я-ТО ПОМНЮ, ЧТО МЕНЯ ЛЮБИЛИ»

РАБОТАТЬ над книгой воспоминаний о Михаиле Дудине было и горько, и легко — люди откликнулись по первому зову. «Спасибо, что вспомнили обо мне», — одними и теми же словами отозвались Мустай Карим (в письме), Эдуардас Межелайтис (по телефону). Восьмидесятитрехлетний Василий Федорович Давиденко — командир взвода, в котором Дудин служил на Ханко, — отказался от нашего предложения заехать к нему домой за материалом: «Я сам приду туда, где Миша работал!» И пришел — в Дом дружбы на Фонтанке, принес исписанные ровным убористым почерком листки. Прислали свои очерки академик Виталий Гольдманский и поэт Сергей Давыдов, скульптор Михаил Аникушин и режиссер Виктор Харитонов, профессора Павел Куприяновский и Левон Мкртчян, биограф поэта Владимир Лавров... Ушел человек — осталось поле притяжения его личности. Оно-то и собрало вместе писателей, журналистов, художников, ученых, однополчан — из Питера, Москвы, Иванова, Костромы, Еревана, Бостона. Это — друзья Дудина, Михаила Александровича, Миши.

Он был очень общительным, доброжелательным, но отнюдь не «своим», умел держать дистанцию, как хороший боксер, — замечает Николай Сладков. Зато, «протягивая человеку руку, он готов был уже не только узнать его, но и довериться», — вспоминает Вадим Бродский; когда-то его, молодого малоизвестного художника, Дудин попросил проиллюстрировать свою книгу. Кстати, о книгах. Дудин много издавался и, кажется, не был обижен вниманием властей. Воспоминания друзей разрушают стереотип удачника, баловня судьбы. Лучшие стихи поэта были выстраданы в самые крутые времена. Последняя книга трагической лирики «Дорогой крови по дороге к Богу» до сих пор не увидела света. «Мы болтаемся, как обломки, в океане слепых надежд», «Россия велика, и нет в России места человеку», «Как мало нас осталось, как много нам досталось, и с жизнью эта малость прощается теперь» — такой он, поздний Дудин.

Самой собой, у нас получилась книга о драме большого поэта, святявшего творчество, переводческую, миротворческую деятельность объединению культур, стран, народов и пережившего распад собственной страны.

По природе своей, по свойствам души Дудин был заступник — такое вот напрашивается некрасовское слово. На него надеялись, от него ждали помощи, защиты и ленинградские блокадники, и народ истерзанной бедствиями Армении («Армения и Нагорный Карабах никогда не забудут своего Дудина», — телеграфировала нам в скорбные дни прощания с поэтом Сильва Капутикян). Горше всего и больнее было для него, когда не в силах оказывался помочь. Но оставался в запасе жест внимания, ласковое слово, характерное его «Будьте, пожалуйста, остальное — прилагательное!»

В нашей книге есть печальные страницы, но немало и веселых, смешных, потому что до конца Дудин оставался мальчишкой, озорным, способным на неожиданные затеи; сочинителем знаменитых своих «грешных рифм».

«Нежно и печально» вспоминая Дудина, Татьяна Бек жалеет, что лишь «предполагала масштаб его скрытой глубины». В какой мере открылась друзьям поэта глубина его природы, судить трудно. «Нам еще предстоит осознать, какое чудо было рядом с нами!» — произнес Даниил Гранин в час прощания и тогда же высказал мысль о необходимости собрать книгу памяти — книгу о «нравственном примере».

Это короткое вступление приходится завершать очень банально: мы ищем средства на нашу книгу, средства на то, чтобы увековечить память человека, который сам не раз жертвовал свои гонорары на благие цели, который много сделал доброго для людей, для города, где я пишу эти строки; для родной земли, где он обрел «последнюю квартиру» рядом с могилой матери, в селе Вязовское Ивановской области, на погосте Вознесенской церкви.

А пока — отрывок из книги.

Наталья БАНК.

Р/сч. в Куйбышевском филиале АО «БАНК
Санкт-Петербург» № 19000467376.
Кор. сч. РКЦ ГУ ЦБ РФ по Санкт-Петербургу
№ 700161819, МФО 161002.

ТОО «Журнал «Нева» (на книгу памяти М.А.Дудина).

С МИХАИЛОМ Дудиным я практически знакомился дважды. Первый раз в 1945 году в «Комсомольской правде» у работавшей там В.Г.Дмитриевой. Он тогда уже был известен как один из столпов молодежной фронтовой поэзии — в Москве был Гудзенко, в Ленинграде он. Отнеслись мы друг к другу дружелюбно, но знакомство это тогда продолжения не имело. Мне еще не исполнилось двадцати, а он был постарше — в таком возрасте это существенно. Особенно в те времена, когда ввиду засекреченности жизни и истории у каждого мини-поколения было свое, отдельное представление о них. Да и жили мы в разных городах.

Вторая встреча была неличная — на заседании редколлегии одного из «Дней поэзии», куда каждый из нас пришел по своим делам. Дудину как ленинградскому гостю слово было пре-

санных индивидуально). После этого соавтор любовного цикла с превеликим достоинством удался. Он торопился, ибо был в Москве проездом. Так что тогда мне с ним пообщаться не удалось, да и не захотелось — я отнесся к случившемуся серьезно. Только через несколько лет, сойдясь с Дудиным ближе, я понял, что этого делать не следовало.

Дудин не зря про себя говорил, что по его природе ему следовало бы жить во времена Ивана Грозного и быть скоморохом. Это и была одна из его «скоморошьях» проделок.

Потом, когда мы по-настоящему с ним подружились — это произошло лет через двадцать после первой встречи, — он мне рассказал еще об одной проделке такого рода. В разгар антикосмополитической кампании он принес — все с тем же невинным и серьезным видом — в какую-то редакцию поэтический монолог доярки, который заканчивался так:

*Мне запах родного навоза
Дороже парижских духов.*

Причем принес он его чуть ли не на спор с кем-то — напеча-

ное, — завязался разговор, простой, естественный, дружеский. Он меня тогда очаровал. И это очарование не прошло до сих пор.

Почти сразу оказалось, что мы с этим «номенклатурным Дудиным» смотрим на вещи одинаково. Я даже подозреваю, что этот естественный взгляд на вещи (аполитичный, хоть и связанный, конечно, с политикой) был ему свойствен раньше, чем мне, — ввиду еще меньшей склонности к фанатизму. В общем, взаимопонимание было достигнуто быстро. Тогда-то я и услышал блистательные его эпитафии и утверждение, что его естественная роль — быть скоморохом времен Грозного. Кстати, чисто политических среди них было мало, но в проявлявшемся в них взгляде на «истэблишмент» (не только на литературный и не всегда на ленинградский) ясно проступало общее отношение к жизни и ее ценностям.

Но одна из прочитанных им эпитафий была более чем политической:

*— Здравствуй, Витя Ветряков
(фамилия и имя мной заменены).*

МОЙ ДРУГ МИША ДУДИН

ют или нет? Он верно уловил ситуацию общего одурения: подвоха никто не заметил. То, что печатали всерьез, мало чем отличалось от такой пародии. Однако предпочитать запах навоза запаху духов, хоть и «буржуазных», никому все-таки в голову не приходило. Дудину пришлось. Представляю, как все это забавляло его — как стихи с умным видом брали у него, внимательно вчитывались, перепечатывали на «собаку», печатали... А он стоял и смотрел, ничем себя не выдавая, как это обычно и делают настоящие комические актеры. Только вот театр, который его развлекал, был не на сцене, а в жизни...

По-настоящему мы с ним встретились и подружились весной 1965 года в Нальчике, где мы оба переводили стихи нашего общего друга Кайсына Кулиева. Кайсына уже тоже давно нет. Все больше и больше друзей у меня «за переправой» — там, «откуда нет пришедших из разведки» (Твардовский). Ничего не поделаешь — черта возраста. Но грустно...

Так вот, я уже жил в Нальчике некоторое время, когда Кайсын пришел ко мне в гостиницу и радостно известил, что через несколько дней приезжает Миша Дудин. Что тот должен приехать, он говорил мне и раньше, но теперь был точно назван день, когда Кайсын поедет за ним в Минводы. Кайсын сиял от счастья, предрекал, что мы обязательно подружимся, и предвкушал свое удовольствие от этого. Помня нашу последнюю встречу (на редколлегии «Дня поэзии»), я в этом вовсе не был уверен, однако не возражал. Но Кайсын оказался прав — подружились мы сразу. Это произошло с самого момента его появления в моем номере. Даже как-то странно. Вроде я не раз его видел до этого, но тут как впервые увидел. Он был высокий, стройный, весь какой-то очень складный, уместный, располагающий к себе, обаятельный — красивый. Это слово как-то больше всего подходило к его облику — не только внешнему.

Мы почти сразу спустились в ресторан — время было обеден-

*Что ты сделал для веков?
— Ничего векам не
сделал —*

Прославлял большевиков.
Самое смешное, что именно после прочтения этих строк (не непосредственно, но в тот же день) Миша начал призывать меня к осторожности. На что я, несколько удивленный, ответил, что чья бы мычала, что писал я всякое, но таких прямых выпадов против большевиков, как это четверостишие, у меня нет. Но Мишу это ничуть не смутило.

— Ну и что? — сказал он. — Я своих эпитафий нигде не записываю. Поди докажи, что это я...

Последний раз я навестил его в 1989 году, когда, впервые приехав из эмиграции, побывал в Ленинграде — тогда еще не С.-Петербурге (я отнюдь не тоскую об утрате городом имени Ленина, но так сразу шагнуть обратно в Северные Пальмиры не получается. Лучше бы через Петроград, тем более что это название было присвоено городу исторической властью). Миша был такой же, как всегда. Только теперь он записывал все свои эпитафии — всё, что вспоминал, записывал на отдельные карточки, составлял картотеку. Не знаю, всё ли он вспомнил, но те, которые помнил я, у него были. Среди них были и новые. Запомнилась одна, отражавшая современные события:

*Лежит милая в постели,
А я лежу под койкою.
Как же мы достигнем цели
С этой перестройкою?*

Станным образом, но что-то в происшедшем она ухватывала.

Таким — веселым, лукавым, талантливым, человеческим — он и остался в моей памяти. Пронести все это сквозь жизнь в годы, когда он жил, было совсем нелегко. А он пронес.

Те самонадеянные люди, которые сегодня уверены, что легко могут прожить жизнь достойнее, чем он, — ошибаются.

Наум КОРЖАВИН.

На снимке: М.ДУДИН
(фото Н.КОЧНЕВА).

доставлено вне очереди. И тут произошло нечто поразительное. Дудин встал и, не дрогнув ни единым мускулом, невозмутимым голосом объявил:

— Я здесь представляю еще одного ленинградца, Сергея Орлова, вместе с которым мы написали лирический любовный цикл.

Все присутствующие обомлели. Народ был тертый, видел всякое, но до такой наглости еще никто не доходил. Это потом, когда цикл был опубликован, кто-то написал на него пародию, начинающуюся словами:

*Мы помним чудное
мгновенье,
Перед тобой явились мы.*

А тогда все молчали. И только председательствовавший Ярослав Смеляков «невинно», но мрачно спросил:

— И подписывать вместе будете?

Однако Дудин оставался невозмутимым.

— Да, а что?

— Да нет, ничего, — ответил Смеляков.

Цикл, конечно, был принят — это и Дудину, и Орлову полагалось по рангу (да и стихи были не хуже многих других, напи-

Печатается в сокращении.